

ДЕТСКАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
КЛАССИКА

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА

МАРК ТВЕН
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТОМА
СОЙЕРА

Рисунки
Вадима Челака

«МАЛЫШ»

БОЙ ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА

Том!

Тишина.

— Том!

Тишина.

— Куда же он подевался!.. Том, где ты?

Тишина.

Тетя Полли опустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков, затем подняла их на лоб и повела глазами из стороны в сторону. Минуту-другую старушка пребывала в растерянности, а потом произнесла — достаточно громко, чтобы мебель в комнате могла ее слышать:

— Ну погоди, я до тебя доберусь...

Она наклонилась и стала тыкать щеткой под кровать. Никого, кроме кошки, извлечь на свет не удалось.

— В жизни мне не попадался такой баловник!

За спиной послышался слабый шорох. Старушка резко обернулась, и как раз вовремя: она успела крепко схватить за полу коротенькой куртки мальчишку, который осторожно крался к открытой двери.

— Ага! Опять я забыла про чулан! Ты ведь оттуда? Что тебе там надо?

— Ничего.

— Неужели? А в чем у тебя руки? И рот тоже?

— Не знаю, тетя.

— Зато я знаю. Это варенье! Сколько раз я тебе говорила: не смей таскать варенье без спросу! Я тебе обещала, что выдеру? Отвечай!

Том насупился.

— Давай сюда розгу.

Тонкий прут взвился в воздухе. Казалось, избежать неприятностей не удастся.

— Ой, тетя! Что у вас за спиной?!

Старушка обернулась, испуганно подобрал юбку. Одной секунды мальчику хватило, чтобы метнуться за дверь, перемахнуть через высокий забор и исчезнуть без следа.

Тетя Полли возмущенно охнула, но уже в следующую минуту махнула рукой и добродушно рассмеялась.

— Эх, Том, Том! Ну что мне с ним делать! — проговорила она. — Давно уж мне пора было привыкнуть к его розыгрышам. Недаром говорят: и на старуху бывает проруха. Главное, ведь мальчишка прекрасно знает, что стоит ему меня рассмешить или отвлечь хоть на минуту, я и растаю! Что ни день — выдумает что-нибудь новое. Разве угадаешь, что ему придет в голову? Баловник, одно слово, а у меня рука не поднимается шлепать этого бесенка. Ведь он сын моей покойной сестры и круглый сирота. Как позволю ему сбежать от розги, меня потом совесть мучает, а если накажу — сердце прямо разрывается. Вот сегодня, например. Он прогулял школу, значит, завтра должен быть наказан. Что же мне с ним сделать? Ага... Том ненавидит трудиться, а потому засажу-ка я его за работу прямо с раннего утра. Жалко, конечно, мучить ребенка. У всех детей выходной... Но долг превыше всего. Надо быть твердой, иначе я окончательно испорчу мальчика.

Том, который к этому моменту был уже далеко, и в самом деле не пошел в школу. Он отлично провел время и едва успел вернуться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить дров и наколоть щепок для растопки — это входило в его обязанности. Во всяком случае, Том успел рассказать Джиму о своих похождениях, пока тот, качая от изумления головой, переделал три четверти работы. Младший,

сводный, брат Тома, Сид, ловко собрал щепки и отнес их к топке. Сида всегда ставили Тому в пример, потому что он был послушный и тихий и не имел привычки доставлять неприятности взрослым.

Том с честным лицом уселся ужинать. Украдкой от тети Полли он умудрился стащить со стола несколько кусков сахара и спрятать лакомство в карман. Старушка сидела, подперев лицо ладонью, и время от времени задавала племяннику каверзные вопросы, не сомневаясь, что он непременно попадетя в расставленные ею ловушки и проболтается, что прогулял уроки.

— Том, сегодня в школе было не очень жарко?

— Нет, тетя.

— Или все-таки жарко?

— Да, тетя.

— Неужели тебе не хотелось искупаться, Том?

Том бросил недоверчивый взгляд в сторону тети Полли. В душу его закралось подозрение. Лицо тети оставалось непроницаемым.

— Да нет, в общем-то не хотелось.

Старушка ощупала рубашку Тома.

— Надо же, даже не вспотел, — заметила тетя Полли.

Она мысленно поздравила себя. Это был хитрый ход: проверить, сухая ли у Тома рубашка, чтобы мальчик даже не понял, к чему она клонит. Однако Том мигом разгадал, в каком направлении вертятся мысли тети, и предупредил следующий вопрос:

— В школе действительно было жарковато, тетя. Ребята обливали друг друга из шланга. У меня волосы до сих пор мокрые, смотрите!

Тетя Полли немного расстроилась, что упустила из виду такую важную улику. Однако ее немедленно посетила новая удачная идея.

— Том, чтобы сунуть голову под струю воды, ведь не надо распаривать воротник рубашки, который я зашила утром, верно? Расстегни куртку, я посмотрю, на месте ли шов.

Лицо Тома посветлело. Он послушно распахнул куртку. Воротник был крепко зашит.

— Ну, ладно! — отступила тетя Полли. — Я, признаться, решила, что ты сбежал с уроков и пошел купаться. А ты на самом деле не так плох, как хочешь казаться, Том.

Хитрые уловки не принесли результата, но старушка была довольна: хоть раз Тома не пришлось уличать во лжи. По совести, ей совсем не хотелось наказывать мальчика. Тетя Полли совсем было собралась отпустить Тома, но тут вмешался Сид:

— Мне показалось, вы зашивали воротник белой ниткой, а здесь черная.

— Ну да, я зашивала белой! Том!

Том не стал дожидаться выяснения подробностей и пулей вылетел за порог.

— Ты у меня еще попляшешь, Сидди! — выкрикнул он напоследок.

Том спрятался в укромном уголке и внимательно осмотрел две иголки, приколотые с обратной стороны лацкана куртки и обмотанные нитками: одна белой, вторая черной.

— Она бы не заметила, если б не Сид, — пробормотал Том. — Ладно, вечером я ему устрою!..

Однако не прошло и пяти минут, как мальчик забыл о своих неприятностях. Новый, более сильный интерес вытеснил

прежние переживания из его души. Дело в том, что сравнительно недавно Том перенял у одного знакомого негра совершенно особенную манеру свистеть и теперь ему хотелось поупражняться в этом искусстве. Том свистел по-птичьи, часто дотрагиваясь языком до нёба, отчего получалась длинная певучая трель. Сердце мальчика переполнялось радостью от сознания, что ему удалось добиться таких потрясающих успехов. Он весело шагал по улице и восхищался собой.

Неожиданно Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчишка, чуть повыше его самого. Приезжий любого возраста был редкостью в захудалом городишке Сент-Питерсберге, где жили Сойеры, и потому не заметить новичка было просто невозможно.

Стоявший перед Томом выскочка был хорошо одет: на нем красовался нарядный костюм, и это в будний день! Том неприязненно оглядел новую модную шляпу и чистую суконную куртку, застегнутую на все пуговицы, и такие же новые штаны незнакомца, затем перевел взгляд на ноги. Увиденное переполнило чашу терпения Тома. Мальчишка был в башмаках! Неслыханно! У него имелся даже галстук из какой-то яркой ленты. Такие носили только городские щеголи. Том долго и внимательно смотрел на малолетнего франта, все выше задирая перед чужаком нос — по той простой причине, что чем дольше он смотрел, тем более убогой казалась ему его собственная одежда.

Несколько минут мальчики в упор разглядывали друг друга.

— Хочешь, поколочу? — нарушил наконец молчание Том.

— Где тебе! — последовал ответ.

— Сказал, что поколочу, значит, поколочу.

— Не сможешь.

— Смогу.

— Не сможешь!

— Фу ты, ну ты! Захочу, одной левой тебя уложу.

— Что ж не бьешь? Только болтаешь.

— Будешь дурака валять — и прибую.

— Ну, прибей! Чего стоишь?

— Ишь вырядился! Велика птица! Еще и в шляпе!

— Что, не нравится? Попробуй сбей, тогда получишь.

Снова повисло молчание, а потом оба принялись ходить по кругу, косясь друг на друга. Еще пара минут — и они сошлись плечо к плечу.

— Убирайся отсюда! — заявил Том.

— Сам убирайся! — не остался в долгу чужой.

— Не хочу.

— И я не хочу.

Последовала смачная оплеуха, и бой начался. Оба мальчика стояли, выставив одну ногу вперед, как опору, и изо всех сил стараясь повалить противника. Напряженное пыхтение продолжалось несколько минут, однако ни тот ни другой не мог одолеть. Наконец, раскрасневшиеся, они осторожно отступили друг от друга.

— Ты трус и щенок, — объявил Том. — Вот скажу старшему брату, он тебе задаст как следует, одним мизинцем прикончит.

— Плевать я хотел на твоего брата! У меня у самого есть брат, еще старше. Как перекинет твоего через забор!

Оба брата были плодом нехитрой мальчишеской фантазии.

— Врешь!

— Кончай трепаться!

Большим пальцем ноги Том провел на дороге черту.

— Только перешагни эту линию, я тебя как отлуплю, что своих не узнаешь. Попробуй только, не обрадуешься. Кто перейдет эту линию, тот покойник!

Новый мальчик поспешно перешагнул черту.

— Ну-ка, посмотрим, кто здесь покойник!

— Ты не толкайся, а то как дам!

— Ну и как ты мне дашь? Чего же не дерешься?

— Давай два цента, отлуплю.

Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешливо протянул Тому. Том ударил его по руке, и монеты полетели в пыль. В тот же миг оба мальчика сцепились по-кошачьи и покатались по земле. Спустя пять минут бесформенная пыхтящая масса приобрела некоторые очертания

и сквозь пылевую завесу можно было разглядеть, что Том оседлал чужого мальчика и молотит его кулаками.

— Проси пощады! — потребовал Том.

Мальчик только сильнее забарахтался, пытаясь высвободиться, а потом заревел — больше от злости, чем от боли. Том не уступал, и в конце концов поверженный щеголь сдавленным голосом признал себя побежденным. Том великодушно выпустил его.

— В другой раз смотри, кому на ногу наступаешь, — заявил победитель и добавил на всякий случай: — Щенок.

Щенок, обиженно всхлипывая, сопя и отряхивая пыль с новой одежды, побрел прочь, пообещав на прощание задать Тому перцу.

— Когда поймаю тебя в следующий раз, — уточнил он.

Том вволю посмеялся над ним и в отличном настроении направился домой. Однако едва он повернулся спиной к чужаку, тот схватил камень и бросил, угодив Тому между лопаток. Не замечая боли и громко обзывая незнакомца гадом и подлецом, Том гнался за ним до самого дома и узнал, где живет его обидчик. Некоторое время Том сторожил у калитки, вызывая гада и подлеца на улицу, но тот только строил ему из окна рожи. Кончилось тем, что на крыльце появилась мамаша обидчика.

— Грубиян! — заявила она Тому. — Скверный и невоспитанный мальчишка! Убирайся прочь!

Том вернулся домой очень поздно и, осторожно влезая в окно, обнаружил у себя в комнате засаду в лице тети Полли. Когда старушка увидела, в каком состоянии одежда ее непутевого, но боевого племянника, ее решимость заменить Тому субботний отдых каторжной работой окрепла окончательно.

МАЛЯРНЫЕ РАБОТЫ

Наступило летнее субботнее утро. Все дышало свежестью и прохладой, солнечные лучи пронизывали листву деревьев и радостно играли бликами на песчаной тропинке, ведущей к воротам.

Из ворот дома Сойеров появился Том с ведром извести и длинной кистью. Он оглядел забор, и радостное выражение мгновенно слетело с его лица. Душа Тома погрузилась в глубокое уныние. Забор представлял собой сооружение длиной около двадцати пяти метров и высотой чуть меньше трех. Наказание, наложенное тетей Полли, заключалось в том, что провинившийся племянник должен был всю субботу производить малярные работы, а проще говоря — красить забор.

Том со вздохом обмакнул кисть в известку и провел тонкую белую полосу по серой шершавой доске. Какой ничтожно малой казалась эта полоса по сравнению с безбрежным некрашеным пространством!..

Том вспомнил, как весело собирался провести этот выходной день, и горе его возросло еще больше. Скоро другие мальчики выйдут на улицу и отправятся в разные интересные места. Нет сомнений, что они будут издеваться над тем, что Тома заставили работать. Надо заметить, что Том терпеть не мог, когда над ним смеялись.

Он со вздохом вытащил из кармана все свои сокровища и стал внимательно рассматривать их. Здесь были сломанные игрушки, алебастровые шарики, обрывки веревки, но вся эта ерунда могла сгодиться только на то, чтобы купить себе не больше пяти минут свободы. Пришлось рассовывать свои жалкие капиталы по карманам. Идея с подкупом других мальчиков не оправдала себя, и требовалась новая, более продуктивная. В эту мрачную минуту Тома вдруг осенило. Блестящая, гениальная мысль, настоящее вдохновение!

Он взялся за кисть и не торопясь, основательно принялся красить шершавые доски. Скоро из-за угла показался Бен Роджерс — острый на язык мальчишка, насмешек которого Том опасался не без оснований. Бен жевал большое яблоко и время от времени издавал протяжный, мелодичный свист, после чего переходил на низкие частоты и гудел, словно самый настоящий пароход, который и изображал весьма похоже.

Подойдя поближе, Бен убавил ход и стал рядом с Томом, громко чавкая и очень серьезно, за капитана, отдавая самому себе команды.

— Право руля! Задний ход! Эй, на берегу! Принимай швартовы!

Том по-прежнему белил забор, не обращая на него никакого внимания. Уяснив, что завистливых взглядов приятеля ему не дожидаться, Бен перешел в наступление:

— Ага, попался!

Ответа не последовало. Том, словно живописец, пристально прищурился, любовался своим последним мазком. Бен